

ИННА ПОРЯДИНА

ЧУДОВИЩЕ

ПО ИМЕНИ...

Инна Порядина

Чудовище по имени...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23984681

ISBN 9785448515156

Аннотация

В небольшом провинциальном городке, где живут друзья Слава Белкин и Толя Рыбкин, однажды появляется странное существо. Оно огромное, мохнатое, с длинными чёрными когтями и зубастой пастью. Точь-в-точь чудовище! А так ли это на самом деле, и предстоит узнать ребятам.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвёртая	16
Глава пятая	19
Глава шестая	23
Глава седьмая	26
Глава восьмая	28
Глава девятая	31
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Чудовище по имени...

Инна Порядина

Редактор Наталья Петровна Тимченко

Иллюстратор Анна Викторовна Буравлева

© Инна Порядина, 2019

© Анна Викторовна Буравлева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4485-1515-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Боб в незнакомом лесу

Когда огромный огненный шар покатился по небу за гору, когда щебетание птиц постепенно перешло на шёпот, а от страшного звука, исходящего чуть ли не из самых недр земли, содрогнулись толстенные стволы столетних деревьев, большущее и неприлично мохнатое чудище по имени Боб открыло правый глаз. Оно бы открыло и левый глаз тоже, тем более, что он был необычайно прекрасен: голубой в синюю крапинку (правый глаз Боба был без крапинок и совсем даже не голубой, а изумрудный), но с ним вчера случилась неприятность.

В тот самый момент, когда Боб намерился полакомиться крошечными и, на первый взгляд, безобидными крылатыми насекомыми, одно из них безжалостно укусило его в нежное левое веко.

Боб взвыл от страшной боли, его любимый глаз заслезился, мгновенно опух и наотрез отказался открываться. Вот именно по этой причине вечерний пейзаж засыпающего леса отразился сегодня только в одном, правом, чудовищном глазу.

Приподнявшись на мощных передних лапах, Боб pokrutil тяжёлой белой головой и обнаружил, что не представля-

ет ни где находится, ни как здесь оказался.

И уж насколько он ни был высок (а был он совсем ещё крошечный, всего лишь с пятиэтажный кирпичный дом), его правый глаз не смог разом охватить все-все-все деревья и все-все-все кусты.

«Любопытство не доведет тебя до добра!» – вспомнил Боб слова матери и смахнул с глаза слезу.

Но привело его сюда отнюдь не любопытство. В преданиях, которые передавались от прапрапрабабушек и прапрапрадедушек к его папе и маме, рассказывалось, что за этим непролазным (даже для таких огромных чудищ) лесом простиралось широкое-преширокое поле, сплошь поросшее чудесными цветами и травами. Этих растений никто из его родичей не видел, но судачили о них предостаточно.

Якобы парят над волшебными цветами и травами симпатичные насекомые, пьют сладкий нектар и собирают нежную пыльцу с прозрачных лепестков. А уж какими вкусными были эти жучки и паучки, можно было только догадываться да сказки сочинять.

И сейчас, когда от урчания пустого желудка Боба сотрясались уже не только деревья, но и звёзды, самые крошечные из которых гроздьями падали с неба, чудище отдало бы всё-всё-всё даже за любого несладкого и противного мотылька.

Но на лес плотным синим покрывалом легла ночь, кое-где на небе едва мерцали уцелевшие жёлто-белые звёздочки, и чудище, всматриваясь в темноту одним глазом, не знало,

что ему делать дальше и куда стоит идти.

Наконец, распрямив толстые задние лапы и сладко потянувшись, Боб поднялся во весь чудовищный рост и вгляделся в темноту.

Чуть дальше низкорослых кустов, за верхушками чёрных деревьев, вдруг сверкнул яркий красный огонек, затем – изумрудно-зелёный, за ним – оранжевый, и уже через секунду-другую всё небо охватило такое разноцветное сияние, что от него заслезился единственный здоровый глаз.

«Ничего себе», – резко выдохнул Боб.

Рядом на дереве зашелестели листья, а один маленький листик, державшийся на тоненькой-тоненькой ножке, не выдержал мощного выдоха чудовища, сорвался с ветки и опустился Бобу на нос.

«Аааапчхи!» – сделало чудовище, и сотни птичек, спросонок не разобравшись, что произошло, взмыли в ночное небо.

«Простите», – шёпотом сказал Боб и решил поскорее убраться из леса, тем более, его так манили разноцветные мигающие огоньки.

Глава вторая

Слава Белкин и Толя Рыбкин

В небольшом провинциальном городке, который мог называться, как угодно, но назывался Васильевск, у мальчика одиннадцати лет по имени Слава и по фамилии Белкин, проживающего там с самого рождения, с утра всё валилось и вываливалось из рук: во-первых, портфель. Из него выпали важные, без которых, конечно же, никуда, школьные принадлежности: жвачка, брызгалка, крошечный тюбик суперклея и дневник. Во-вторых, проездной билет и телефон.

Задняя крышка телефона отскочила в сторону и развалилась на две части, следом выпала батарейка и залетела под диван. И если без жвачки с брызгалкой и дневника Слава мог обойтись, то без телефона ему приходилось туго.

Но сегодня мама Белкина, собирая ребенка в школу, махнула на всё рукой и выпроводила сына за порог без средства связи и коммуникаций. «Мы же как-то обходились!» – крикнула она в закрывающиеся двери лифта и преспокойно вернулась в квартиру, хотя мама и спокойствие – вещи из разных уголков вселенной.

Пока мама уговаривала себя, что ничего страшного с её сыном в их невеликом городке произойти не может, Слава дошёл до школы, пробыл там шесть уроков с положенными

между ними переменами и уже собирался возвращаться домой, когда Толя Рыбкин, его одноклассник и самый близкий друг, внезапно кое-что предложил.

Дело шло к летним каникулам, до конца учебного года оставалось три недели, и такого солнца, как в этом мае, давно никто не видел. «А не заглянуть ли нам к Ивановым?» – спросил Толя Славу и, даже не думая, что тот ему может ответить нет, стащил друга со ступенек школы.

Ивановых, к которым предложил зайти Толя, было двое. Вернее, их было четверо, а если приезжали родственники, то и вовсе становилось шесть или восемь. Но интересовали приятелей только те, которым было по девять лет, Лена и Женя.

Женя, как и Лена, была девочкой и точной её копией, а иначе говоря, – близнецом. Сёстры учились в другой школе, играли на других детских площадках, водились исключительно с другими девчонками, и поэтому были интересны ребятам.

Ещё зимой, когда Лена и Женя фыркнули в сторону заинтересовавшихся ими мальчишек, Толя принял решение: завоевать сердца обеих девчонок во что бы то ни стало и чего бы им это ни стоило.

Но завоевание продвигалось плохо, вернее, не продвигалось никак. Девочки были заняты исключительно своими делами. Толя даже выяснил, какими именно. Лена увлекалась рисованием и два раза в неделю ходила в кружок изобрази-

тельного искусства, Женя таскалась с ней. В свою очередь, Женя бегала в кружок хореографии и народного танца, а Лена нехотя составляла ей компанию.

Толе казалось, что проще всего девчонки завоёвываются по отдельности, но они были неразлучны, как попугайчики, которых разводил Славкин сосед по лестничной клетке. Разлучать сестёр, конечно же, никто не собирался, но вот чем именно поразить их обеих сразу, Толя не мог придумать никак.

– И зачем нам к Ивановым? Почему сегодня? – тараторил и сопротивлялся Слава, пока друг тащил его за руку со школьного двора.

Толя не оборачивался.

– Маме надо сказать, я телефон забыл, давай завтра... – ныл Белкин, – и потом у меня дела...

– Дела? – Толя резко затормозил. – Ну-ка, ну-ка, рассказывай. Что это у тебя за дела такие? Опять ящерицы?

– Это не ящерицы, – насупился Слава и выдернул руку.

– Ещё какие ящерицы! Уродливые и... Пластилиновые!

– Это динозавры, – злился Слава, – да пластилиновые! Ну и что?

– А то, – надвинулся на него Толя, – а то... А то, что это несерьёзно! Вот бокс – серьёзно, карате – серьёзно. Лепка, выжигание, каля-маля – девчачьи развлечения! Ты этим собираешься Женю удивить? Пластилиновыми динозаврами? Игрушечными? Вот если бы ты ей живого привёл...

– А если приведу?

– Живого?

– Да!

– Динозавра?

– Да!

– Совсем спятил? – Толя закатил глаза.

– Приведу, – заскрипел зубами Слава и сжал пальцы в кулаки, – слово даю! Спорим?

Глава третья

Договор

– За мной, – зашипел Толя и, нервно оглядываясь, словно он уходит от преследования, побежал за угол школы.

Слава взвалил на спину портфель, который от чего-то стал невероятно тяжёлым, и, громко шаркая ботинками по асфальту, потащился следом.

За школой никого не оказалось. Белкин покрутил по сторонам сначала головой, затем – всем телом, но Рыбкина нигде не было. Как под воду ушёл.

«Ну нет, так нет», – расслабился Слава и, пнув крошечный камушек, бодро зашагал в сторону школьных ворот.

– Эй! – раздалось сзади, и Белкин обернулся.

Почти из-под земли, там, где под школу уходили широкие бетонные ступени, торчала Толина рука.

– Иди сюда, – захрипел Рыбкин и замахал ещё и второй рукой.

Слава обнаружил друга почти что под землёй. Он сидел на самой последней ступеньке перед грязной железной дверью, запертой на висячий замок, и держал в руке клетчатый листок, вырванный из тетради по математике.

– Я кое-что придумал, – хищно улыбнулся Толя – спускайся!

Слава нехотя преодолел несколько ступенек и оказался на уровне Рыбкина, тот встал на ноги и протянул ему ручку с красными чернилами и листик в клеточку с неровно ободранным краем.

– Пиши, – усадил он Белкина на холодный бетон.

– Это ещё зачем?

– Чтобы не передумал.

Слава положил на колени листок. В нём на самой верхней строчке, точно по центру, жирно и очень аккуратно синими чернилами было выведено: «Договор».

– И что мне писать? – спросил Слава.

– Пункт первый, – подмигнул ему Толя и, скрестив руки на груди, прислонился к кирпичной школьной стене.

Белкин вздохнул и покрутил в пальцах ручку.

«Я, Слава Белкин, – нацарапал он красными чернилами, – даю слово своему другу Толе Рыбкину, что найду и приведу ему самого настоящего динозавра (не пластилинового). Если я не смогу сдержать слова, то... (он посмотрел на товарища снизу вверх)...»

– Чего ты хочешь?

– А что у тебя есть?

– Велосипед.

– Трехколёсный что ли?

– Мне мама новый обещала...

– Эээ... Не пойдёт, – замахал руками Толя. – Не известно ещё, будет ли он у тебя. Она тебе давно его обещает, а мне

сейчас надо!

– Тогда ничего нет, – Слава посмотрел под ноги.

– У тебя вроде копилка была? – подмигнул ему Толя и ухмыльнулся. – В кино хочу с Женей, а мне денег на билеты не хватает...

– Это всё?

– Нет. Ещё... – Толя задумался, – если не приведёшь динозавра, я в школе расскажу, что ты «девчонка» и маменькин сынок. И все на тебя пальцами будут показывать: «Только посмотрите, вон этот идёт, который в динозавров верит! Ха-ха-ха! Мелочь пузатая! Болтун!» – изобразил он, как обычно смеются над неудачниками одноклассники. – Опозоришься, Белкин, на всю школу, на весь двор и весь Васильевск! Теперь ставь «один» и пиши дальше.

«1) – Слава жирно вывел цифру. – Толя Рыбкин (зачеркнул). Моя копилка со всем содержимым переходит в полное распоряжение Толе Рыбкину. И 2) Толя может всем рассказать, что я девчонка (зачеркнул), маменькин сынок (зачеркнул), неудачник.»

– Число и подпись, – заглянул в написанное Рыбкин и, когда Слава поставил последнюю закорючку, вырвал у него из рук договор. – У меня храниться будет. Теперь идём.

Глава четвёртая

Замёрзший, голодный и злой

Боб шёл по незнакомому полю, высоко поднимал тяжёлые белые лапы и так осторожно опускал их на землю, что за его спиной страшно дрожал сосновый лес, а с неба продолжали сыпаться звёзды.

Вот одна звёздочка оставила за собой тоненький, едва заметный, серебряный след, другая прочертила жирную блестящую линию, а третья будто бы оторвалась с кусочком неба, и на её месте появилась одинокая чёрная дыра.

Позади Боба остались кусты, деревья и шумные птицы; где-то совсем-совсем далеко находилась семья, которая ждала добрых весточек, а ещё больше – принесённой сыном и внуком добычи.

Поле, по которому шагал Боб, было лысым, как старенький дедушка Грэг. Тут и там под нежную голую пятку чудища заскакивали мелкие и крупные камни, жутко похожие на амулет, который висел у него на шее на тонком кожаном ремешке.

Меж пальцев и в длинные корявые когти забивалась жирная мягкая почва, но Боб упрямо шёл вперёд. Его манили разноцветные мигающие огоньки, похожие на прекрасных вкусных бабочек, которые, как говорила легенда, парят

над невиданной красоты растениями, источающими дурманящий аромат и дарующими чудесный нектар.

Лапы сами несли Боба вперёд, и хвост, весело топорщась, подгонял чудовище. Но большой и чёрный нос неожиданно учуял нечто ему не знакомое и сразу же подал сигнал «Стоп».

Боб резко затормозил на самом краю поля, где мягкая почва сменилась грубым песком, и плюхнулся на какой-то сухой низкорослый куст. То ли от треска, нарушившего ночной покой, то ли от того, что чудовище сломало чей-то кров, из-под Боба во все стороны прыснули полупрозрачные мошки и комары.

Вокруг чудища сразу же образовалось плотное жужжащее облако. Выбившись из него, некоторые насекомые молниеносно возвращались обратно и пикировали на блестящий, лаковый нос. Они залетали в одну ноздрю и сразу же вылетали из другой, а кое-кто, казалось, решил поселиться там навечно и поэтому пополз вниз, изнутри щекоча горло крошечными лапками. Часть мошкары забилась в шерсть, в ресницы и даже залепила единственный здоровый чудовищный глаз.

Не передохнув и пары минут, не разобравшись, что же за запах заставил его притормозить, Боб сорвался с места и, размахивая хвостом и длинными висячими ушами, понёсся куда-то наугад. Разноцветные огоньки на горизонте нервно запульсировали и разом погасли, когда чудовище сослепу

влетело в дерево и, отскочив от него, свалилось в реку.

«На сегодня с меня хватит», – переводя дух, подумал Боб. Он снял с языка длинную мерзкую водоросль, откашлялся и, цепляясь когтистыми пальцами за корни растений и пучки травы, поспешно выполз на берег.

Белая шерсть чудища приобрела неприятный грязно-серый оттенок и своеобразный речной аромат, в котором можно было узнать бензин, гнилые прошлогодние яблоки и сырую рыбу. Ни одного сладкого, терпко-ванильного или не слишком любимого чудовищами запаха корицы Боб не учуял. Рассерженный на то, что так и остался голодным, он лег на голую землю, немного поворчал, перевернулся на левый бок и сунул мокрую переднюю правую лапу в пасть. Желудок обиженно взвизгнул, слегка поныл да и успокоился.

На берег реки лёгкими взбитыми сливками опустился туман.

Глава пятая

Есть идея!

Иногда люди делают большие и маленькие глупости. Иногда делают их не сразу, а сначала говорят что-то вздорное, произносят обязательно при свидетелях, а потом оп! и уже никуда не деться.

Кто тянул Славку за длинный и розовый язык? Кому сказать большое-пребольшое благодарю за то, что парень вдруг стал таким смелым и безрассудным? Откуда ему взять живого динозавра, чтобы не проиграть в споре?

«А что если так? – размышлял Белкин. – Предположим, расскажу, что, дескать, нет на свете никаких динозавров, вымерли миллионы лет назад, остались от них кожа, кости и ни одного воспоминания современников...

А потом загадочно закачу глаза и произнесу: «Бродил я как-то на днях по берегу реки. (Тут надо сделать небольшую паузу, вздохнуть и вроде как нехотя продолжить.) Шёл дождь, я поскользнулся, упал в воду, а когда вылезал, зацепился ногой за что-то странное. Это была сеть, как у наших рыбаков, но только старая-престарая, вот-вот рассыплется на миллион ниток. А в ней, в сети то есть, лежало яйцо. Тяжёлое! Коричневое! Будто каменное! (Тут можно ещё раз прерваться и посмотреть на реакцию Толика.)

Конечно, я это яйцо забрал. Нет, оно у меня не с собой. И нет, я его не высиживаю, оно под лампой лежит. Надо подождать совсем чуть-чуть, и скоро из него обязательно вылупится крошечный динозавр»».

Вот так, размышляя вслух и размахивая руками, будто небольшая ветряная мельница, Слава вышел к реке, которая называлась Широкая.

Пока не наступило жаркое и засушливое лето, которое каждый год к середине июля обнажало её дно, ребята здесь купались, ловили рыбу и играли в «блинчики».

Белкин медленно шёл по изумрудно-зеленой, как панцирь бронзовки, траве, нарочито громко шаркая школьными ботинками и поддевая потертыми мысами головки по-цыплячьи жёлтых одуванчиков, иногда останавливался, сгребал в охапку наглые, жирные сорняки и со злостью дёргал их вверх, вырывая с корнями. В нос ударяло сыростью, а на землю вместе с комьями почвы летели недовольные, растревоженные человеком грязные слизняки и черви.

На другом берегу реки кто-то дёргал за язык церковный колокол: неровный, лихорадочный перезвон, разрывающий тишину, отвлекал и переносил Белкина в сказочную страну.

Там по широким оранжевым полям, взбрыкивая одновременно всеми четырьмя ногами, скакали белоснежные лошади с полосатыми жёлто-голубыми гривами и блестящими серебряными копытами. У подножья высоких-превысоких гор стадами паслись травоядные динозавры, над ними планиро-

вали крикливые, повизгивающие, как одноклассницы на переменах, птеродактили, и совсем рядом, в чаще соснового леса, кто-то неприлично мохнатый, похожий на снежного человека, бегал с сачком за гигантскими перламутровыми бабочками.

Слава тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения, крепко потёр обеими руками уши, поправил портфель, который всё это время носил на спине, и спустился к реке.

Широкая сегодня журчала особенно сладко. Было безветренно, и шелест листьев прибрежных кустов не мешал слушать её мелодию.

Белкину почудилось, что в песне рассказывается о его родном крае, маме, приятелях и одноклассниках. О Васильевске Широкая говорила перебором мелкой гальки, о маме – листьями кувшинок на длинных стеблях, а о друзьях – непонятными звуками, напоминающими свист и храп. Казалось, будто на дне реки сейчас крепко спит, положив клешню под щёку, Водяной.

Побродив по берегу, Слава сначала постарался понять, откуда доносится храп, затем присел на корточки и несколько минут, не моргая, буравил взглядом воду, высматривая в ней колышущуюся длинную болотно-зелёную бороду да чешуйчатый хвост.

– Не очень-то и хотелось, – фыркнул Белкин, когда со дна Широкой никто не поднялся.

Храп со свистом неожиданно, как и возникли, прекрати-

лись, и река вновь заиграла свою обычную мелодию.

Слава ещё немного послушал, как, перебирая гальку у берега, журчит вода, и выдвинулся на поиски нужного камня. На кону стояла честь, настоящая, мальчишеская, и Белкину не стоило отвлекаться на такой пустяк, как возможное появление сказочного Водяного.

Глава шестая

Удивительная находка

Слава тащил за собой по земле тяжёлый портфель, пристально смотрел под ноги, натёкался на обычные, неприглядные булыжники, куски серой волнистой черепицы и обломки кирпичей. Ничего, что хоть как-то напоминает яйцо динозавра, не попадалось. Ни один камушек не был похож своей окраской на «кожистое», о котором писала библиотечная энциклопедия.

Откуда-то прилетел и слегка разыгрался ветер: сорвал с деревьев пару тонких веток, загнал солнце за мелкие тучки, и из-за реки потянуло сахарной выпечкой, которая каждый день выставлялась на прилавок кондитерской ровно в пять.

Белкин со всей силой вдохнул ванильно-шоколадный аромат и облизнулся: страшно захотелось есть, даже слюнки потекли. Со своим завтраком он разделался ещё в девять утра, на большой перемене, а пообедать не успел. Это из-за Рыбкина он очутился тут и из-за спора этого глупого! А ведь мог сейчас болтать ногами, сидя дома на табуретке перед тарелкой с жареной картошкой, и – языком, рассказывая маме о тираннозавре рексе.

«Да ну его, – разозлился, – днём раньше, днём позже... Потом найду!»

Слава закинул за спину портфель и начал карабкаться вверх по берегу, который почему-то оказался не таким пологим, как в том месте, где он спустился к воде.

Почва здесь была мягкая, какая-то слишком воздушная и перекопанная, словно кто-то елозил по ней зубцами граблей. «Кроты что ли поработали, – подумал про себя Слава, – или землеройки какие. Это ж надо так все переверорозить».

От усталости Белкин то и дело сползал вниз, а затем снова и снова карабкался, цепляясь пальцами за комья земли. Забираться с портфелем стало совсем неудобно, он почему-то потяжелел на пару килограммов, тянул назад и давил на плечи.

А ветер всё так же составлял пазл из тучек, солнце спряталось за его несобранной половиной, и осталось ещё немного, чтобы картинка стала целой и закрапал первый, мелкий дождь.

Белкин окончательно разозлился, стянул со спины портфель, размахнулся и со всего маху кинул его вверх и вперёд. Прислушался.

Через секунду раздался слабый треск, и в воздух взмыло несколько десятков мелких бабочек. Слава плюнул на пальцы, затем вытер ладони о брюки и легко, потому что был уже без ноши, снова цепляясь за земляные комья, взлетел вверх, туда, где пять секунд назад приземлился его портфель.

За шиворот упала первая тяжёлая капля, Белкин схватил портфель за лямку, потянул его на себя и увидел под ногами

что-то необычное.

Мягкое.

Серое.

Оно было не похоже на траву, а напоминало мох или даже сено.

Оно странно пахло: то ли мокрой шерстью, то ли собакой, и в него проваливались ботинки.

Белкин наклонился, затем присел на корточки и потрогал то, на чём только что стоял, и то, на чём сейчас сидел. «Стекловата что ли, – почесал он правое ухо, – или пакля...»

Что бы это ни было, но оно было непонятным и не совсем приятным наощупь, поэтому Слава поскорее поднял портфель, и тут заметил...

Камень! Вот точь-в-точь, как себе и представлял!

Коричневый, кругло-вытянутый и кожистый!

Но за шиворот упала вторая капля, гораздо тяжелее первой, а за ней – третья, четвертая, и вот уже в полную весеннюю мощь хлынул дождь. Белкин сунул находку в карман и со всей мальчишеской прытью припустил к дому.

Под его ногами что-то странно затрещало и, когда Слава отбежал на такое расстояние, с которого ничего не было видно и слышно, негромко, но грозно рыкнуло.

Глава седьмая

На старт, внимание... Наводнение!

Какое чудо проснуться в своей постели, пусть даже она сложена из прошлогодних веток; какая сказка – подставить утреннему солнцу нос и сомкнутые веки; сколько радости могут принести сладкие потягивания, когда представляешь, что удлиняешься сразу во все стороны и ещё чуть-чуть и дотянешься до мамы, а там совсем капельку, и дорастешь до отца.

Немного об этом, немного о том и не мало о горячем завтраке думал Боб, скручиваясь в спираль, как дождевой червяк, которого вымыло из уютного подземелья.

С неба падала вода, от земли тянуло холодом, и внутри, в брюхе, тоже было тоскливо. Да ещё Бобу приснилось (или это было на самом деле?), что сначала его спину и шею кто-то отходил деревянной дубинкой, а затем потыкал сучковатой палочкой сначала в здоровый, потом – в больной глаз. Такой наглости даже от воображения, которое управляет сновидениями, Боб стерпеть не мог.

С мощным чудовищным рыком, выстрелив, как раскрутившаяся пружина, чудище взмыло в воздух.

На кустах от ужаса в почки завернулись все крошечные молоденькие листики, вода отхлынула от одного берега и за-

топила противоположный, куски пасмурного небесного пазла соединились в единое мрачное целое, и громадная чёрная туча накрыла город Васильевск.

«Штормовое предупреждение! На нас надвигается невиданный до сего дня ураган! Всем срочно запереться в своих квартирах!» – кричала местная радиостанция сиплым голосом Вани Соловья.

Тут и там слышалось, как живо закрываются оконные ставни и с размаху хлопают деревянные и металлические двери.

И вот уже стих топот каблуков, за стенами домов спрятался шелест сандаликов и ботинок, лишь в одной небольшой кондитерской все ещё оглушительно трещала кофемолка да шумел закипающий самовар. Ровно к пяти часам вечера здесь выставляли на прилавок свежесдобитые булочки, и ни одна катастрофа на всём белом свете не могла этому воспрепятствовать!

Глава восьмая

Кафе «Объединение»

Кафе «Объединение» два года назад переехало из самого центра города на окраину, поближе к природе. Хозяйке кондитерской очень понравился свежий брус, из которого был сделан выставленный на продажу домик, яблоневого сада с тропинкой, приводящей гостей к самой вывеске, и сладкий воздух с нотками кедровых орешков, гречишного мёда и одуванчиков.

И если Васильевск состоял из красных кирпичных зданий с серыми черепичными крышами и не располагал жителей к отдыху, то окраина, на которой разместились «Объединение» и старинная церквушка, со своими деревянными постройками стала услугой не только для человеческих глаз и сердец, но и для животных.

Только представьте: рабочий день подошёл к концу, со школой попрощались до завтра, уроки сделаны, вы садитесь на трамвай или берёте велосипед, самокат (а кто-то может даже пробежаться) и отправляетесь на окраину Васильевска за творожным коржиком и чашечкой чая с сушёной малиной.

На конечной станции, где единственный в городе трамвай делает разворот, вас встречает деревянный резной ука-

затель в белую мелкую ромашку: «Кафе-кондитерская „Объединение“, 300 метров».

И это всё: ни словом больше!

Именно на таком простом указателе настояла хозяйка кафе.

Во-первых, она любила цветы, во-вторых, уважала лаконичность и всю душу вкладывала отнюдь не в сладкое красноречие, а в-третьих, это была уже пятая табличка. Предыдущие четыре испортил горе-писатель, которому никак не удавалось передать в нескольких чёрствых словах всю прелесть домашнего уюта и аромата свежей выпечки.

Через триста метров, которые преодолеваются быстро и легко, вы попадаете в яблоневый сад.

Здесь вас приветствуют кроны столетних деревьев, весной наряженные розовыми крупными цветами, летом – мелкими красными яблочками, осенью – спелыми крупными плодами, а зимой – пушистыми белоснежными шубками.

Ещё пара-тройка шагов по тропинке, и вот вы у вывески «Объединение».

«Заходите!» «Располагайтесь!» «Вы наш самый важный гость!» – говорит входная дверь, украшенная деревянными завитушками и табличками с этими самыми словами: они остались от работы горе-писателя. Четвёртый, испорченный, указатель «Булки здесь!» хозяйка скормила печке.

В кондитерской вас встретит Марта, немного рассеянная, но очень исполнительная работница. Она так предана «Объ-

едению», что даже поселилась по соседству, чтобы никогда не опаздывать к открытию и уходить из кафе последней.

Узнали Марту? На ней форменное голубое платье до пят, белый передник с оборочками и ромашковый веночек в туго заплетённых чёрных волосах. Как увидели её, проходите дальше, к прилавку: добро пожаловать!

Глава девятая

Первое появления Боба в кафе

Боб не умел читать и писать. Чудища его рода никогда не учились в школе. Они даже ручку или карандаш не смогли бы удержать в своих больших мохнатых лапах! Все знания передавалась от прапрапрабабушек и прапрапрадедушек к детям и внукам исключительно из пасти в пасть.

Поэтому Боб не понял, что было написано на красивом деревянном указателе в мелкую ромашку, он преспокойно снёс его и побрёл туда, куда его вёл нос, большой, чёрный, лаковый и очень чуткий.

В это время «Объединение» нетерпеливо ожидало самых голодных и важных гостей: молодых мамочек с дюжиной крикливых ребятишек, работников интеллектуального труда в полном умственном истощении, служащих разнообразных контор, учителей, воспитателей, – то есть всех, кому срочно и регулярно нужны сахар и тёплый приём.

Как обычно в это время, Марта суетилась на кухне: посыпала пудрой сдобные улитки с изюмом, катала в маке бублики, раскладывала разноцветные прозрачные цукаты по блюдечкам и каждые три минуты бегала к прилавку проверять старинную кофемолку и самовары (не перекипела ли в них ключевая вода, не испортит ли она будущий чай).

Гвалт в кафе стоял знатный! Аромат в кафе стоял невероятный!

«И ни одного гостя не стоит у прилавка! – удивлялась Марта каждые три минуты. – словно их корова слизнула длинным и шершавым языком!»

Наконец, всё было готово: подносы с булочками теснились меж гордо раздутых, сияющих от важности самоваров, а блюдечки со светящимися цукатами украшали столы.

Марта решила заменить слегка помятый передник на свежий, который утром захватила из дома, и поскольку ни один гость так и не вошел в приветливо приоткрытую дверь, выскользнула из-за прилавка, побежала на кухню, а оттуда – в небольшое помещение, где размещался склад.

«Тра-ля-ля... – напевала она сначала тихо-тихо, а когда вошла в другую комнату, – горланила уже в полную силу, – ТРАААА-ЛЯЯ-ЛЯЯ!»

«Уууууу», – слабенько тянул в эту же самую минуту желудок Боба.

«Оооооо», – отвечал ему лаковый нос.

«Быстро-быстро-быстро!» – командовало своими лапами чудище и ломилось на дурманящий аромат сквозь столетние яблони к приветливо приоткрытой двери «Объедения».

И конечно же, Боба никто не встретил! И конечно же, он даже не обиделся! Кому нужны сухие приветствия, когда перед глазами маячит прилавок со свежевывпеченными мягонькими булочками?

Сначала чудище заглянуло за дверь правым глазом (любимый левый ещё не открывался), а потом очень осторожно просунуло внутрь кафе лапу и насадило на коготь, как на вилы, сдобную улитку с сахарной глазурью.

После этого булочка отправилась в большую зубастую пасть. А затем туда же с космической скоростью полетели баранки, маковые бублики, ванильные эклеры и песочные корзиночки с вишенкой на верхушке.

Ни гром, ни молния, ни штормовой ветер, о котором предупреждал Ваня Соловей, не могли остановить Боба. Это удалось только небольшому коржику, очень ароматному, очень свежему и очень противному. Он был с корицей.

Чудище отшвырнуло неуютную выпечку и снова посмотрело через дверь в кафе. На прилавке было пусто. Ни одного пирожного, ни одного печенья, ни-че-го!

«Ой-ой-ой», – покачал головой Боб, и его длинные уши разлетелись по сторонам: одно ухо – на север, другое – на запад.

Но настоящие чудища его рода не привыкли отступать, особенно когда можно чем-нибудь поживиться. Поэтому Боб хорошенько принюхался, поморгал здоровым глазом и ещё раз заглянул в кондитерскую.

В самом дальнем углу прилавка, под начищенной бронзовой ножкой самовара, приютилась последняя сдобная булочка, так замечательно пахнущая клубникой.

«Ууууу», – сделал желудок Боба и, повинувшись ему, чудище

снова сунуло лапу в дверь кафе.

«ТРААА-ЛЯЯЯ-ЛЯЯЯ!» – распевала милая Марта, поправляя оборки форменного передника.

«Оп-па-па...» – произнесла она тихо-тихо, появившись за прилавком и обнаружив, что в кафе не осталось никакой выпечки, а из двери торчит огромная когтистая лапа.

«Динозавр!» – завизжала работница кондитерской, схва-

тилась за сердце и потеряла сознание.

Глава десятая

Что произошло в «Объединении»?

Огромные, тяжёлые капли воды, превращаясь в нити, сплетались в цельное дождевое полотно, которое гонял ураганный ветер. Слава Белкин смахивал со лба и глаз мокрые пряди и упрямо бежал к дому, таща на спине тяжёлый, набухший портфель: в нём, как рыбки в аквариуме, бултыхались тетради, карандаши и ручки.

На остановке трамвая не было ни одного человека, указатель «Кафе-кондитерская „Объединение“, 300 метров» валялся на земле, под ногами бурлили мутные ручьи, и в них, словно бумажные кораблики, плыли яблоневые листья.

Белкин то и дело подскакивал от раскатов грома, а от ужаса и холода покрывался мурашками. Мысль о том, чтобы поскорее добраться до дома, сменила другая: дойти до «Объединения» и переждать непогоду там.

Пробежав сто метров по направлению к городу, Слава резко развернулся и с удвоенной силой припустил в обратную сторону, к кафе-кондитерской.

В красивом деревянном домике со странными табличками на двери Белкин и его друзья бывали не редко, а если точнее, приезжали сюда каждый день. Здесь их всегда встречала неразговорчивая, как и её начальница, работница и ждала

очень вкусная, свежая выпечка. Таких булочек не умел делать никто: ни местный хлебный заводик, ни мама Белкина.

Но сегодня, когда день не задался с самого утра, Славу никто не встретил. Тропинка, которая вела к «Объединению», превратилась в широкий грязный ручей, как и на остановке. И в нём уже плавали не только листья. В нём валялись поломанные яблоневые ветки, разбухший коржик с корицей, а перед входом на ступеньках лежал яблоневый ствол.

«Что здесь произошло?» – крикнул Белкин, потому что увидел распахнутую настежь дверь и перевернутую внутри кондитерской мебель.

Он сбросил портфель, перелез через сломанную яблоню и вбежал в «Объединение».

В кафе было темно!

Настольные лампы валялись на полу, а абажур, висящий в центре потолка, медленно вращался вокруг своей оси.

В кафе было пусто!

Ни одного посетителя и ни одной булочки.

В кафе было страшно шумно!

Тарахтела старинная кофемолка и выкипал самовар.

В кафе так превосходно пахло выпечкой, что у Белкина свело живот.

«Ууууу...» – прошептал Слава и в ответ услышал эхо.

«УУУУ», – гораздо громче передразнило оно его.

«Здесь кто-то есть?!» – крикнул Белкин в пустоту и на всякий случай наклонился за отломанной от стула нож-

кой.

«УУУУ», – раздалось откуда-то снизу, и Слава затрясся от страха.

«Помогиитеее», – услышал он знакомый голос и потёр правое ухо.

«Марта?!» – крикнул ещё раз и, когда та ответила, подбежал к прилавку.

За ним, на деревянном полу, натянув на голову передник, лежала Марта. Её ноги и руки были покрыты огромными, как изюм, мурашками и мелко-мелко тряслись.

«Что здесь случилось?» – спросил Слава и присел на корточки.

Но Марта не произнесла ни слова.

Глава одиннадцатая

Слава и Марта

Марта глубоко дышала у раскрытого окна, обтирала лицо и руки дождевой водой, льющейся с козырька, затем обмахивалась передником и бубнила себе под нос какие-то заклинания. Может, это были и не заклинания вовсе, но Славе казалось, что если под них сварить зелье и капнуть его на пол, то в центре кондитерской мгновенно вырастет дуб.

– Почему вы решили, что это динозавр? – спросил Белкин, когда работница кафе окончательно успокоилась и рассказала о том, что произошло.

– А кто же ещё? – она отхлебнула из блюдца чёрный чай, который он ей приготовил, и отправила в рот красный цукат.

– Медведь, например.

– Что я, по-твоему, медведей не видела? У них лапы, а тут была ЛАПИЩА! Вот такая! – Марта развела руки в стороны, словно собиралась обнять сразу дюжину человек, и так широко растопырила пальцы, что они посинели от напряжения. – Надо хозяйке сообщить и в МЧС, позвонить пожарной бригаде и в зоопарк, – внезапно добавила она и резко замолчала.

Наверное, ей было не очень удобно одновременно думать, говорить и есть: работница горстями закидывала в рот цука-

ты и пила чай уже из носика заварочного чайника.

Судя по тому, с какой скоростью исчезало сладкое, Марта была очень взволнована.

– А в пожарную часть зачем? – удивился Слава.

– Не знаю, – она причмокнула и вытерла губы тыльной стороной руки, – но надо!

– Что вы ещё помните? Он рычал?

– Кто?

– Медведь, тьфу, динозавр!

– Может, и рычал, кто ж его знает. Ты на улице был?

– Был.

– И что там?

– Ураган.

– Вот-вот, – Марта встала из-за стола и прошлась по кафе, – гррроза, гррром, грррохот! Я не слышала ни динозавра, ни грозы. У меня тут, сам знаешь, и без этого шума хватает.

– Да, – кивнул Белкин и уронил на пол веник. В то время, пока Марта приходила в себя, Слава приводил в порядок «Объединение».

Уверяю вас, ему было не сложно. Как говорила Славина мама, мальчику, у которого нет отца, всё должно быть по силам. А если сил нет, то надо немного поднапрячься.

В кафе напрягаться не пришлось. Динозавр, если это был действительно он, испортил не так много: сломал пару стульев, перевернул стол и расцарапал когтями дощатый пол. Всё остальное, за исключением съеденной выпечки, было це-

ло.

– Наверное, я пойду, – сказал Слава и поставил веник за прилавок. – Поздно уже, мама волнуется.

– Ага, – ответила Марта, – только пока никому ничего не рассказывай. Договорились?

Белкин хотел кивнуть ещё раз, но передумал. Вместо этого он сделал вид, что страшно заинтересован тем, что происходит на улице, и быстренько выскочил за дверь.

– Мальчик! Стой! – закричала работница кафе, но Слава её не слышал. Мыслями он был дома, звонил Толе и делился с ним невероятными новостями.

Ноги сами тащили Белкина по лужам на остановку трамвая, руки волокли неподъёмный портфель, а голова витала в облаках. В самом деле витала, потому что на окрестности города Васильевск опустился густой-прегустой и очень тяжёлый туман, такой, который можно запросто черпать столовой ложкой и отправлять в рот, как взбитые сливки или жирную сметану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.